

В. А. КОЗЫРЕВ

Словарный состав «Слова о полку Игореве» и лексика современных русских народных говоров

Современные русские народные говоры, сохраняя в своем составе многие архаические черты, служат одним из важных и вполне надежных источников для изучения древнерусского языка, в том числе — и языка отдельных памятников древнерусской письменности. На необходимость широкого привлечения современных диалектных данных к анализу словарного состава «Слова о полку Игореве» неоднократно обращали внимание многие ученые, однако работы подобного направления пока еще единичны;¹ причем и в этих немногочисленных исследованиях в поле зрения оказываются, как правило, отдельные лексемы, а не весь словарный состав памятника. Между тем назрела необходимость не выборочного, а по возможности полного диалектологического комментария текста «Слова о полку Игореве», так как лишь таковой позволяет рассмотреть взаимоотношения лексики «Слова» с лексикой народных говоров.

Поставив перед собой задачу сопоставительного изучения словарного состава «Слова о полку Игореве» и лексики современных русских народных говоров, автор этой статьи обратился к поискам в живой народной речи словарных соответствий к лексике «Слова», которая не сохранилась в современном русском литературном языке. Основным источником для выявления такого рода параллелей послужили полевые записи автора во время специальных диалектологических экспедиций 1967—1972 гг. в Брянскую область (т. е. на ту территорию или сопредельную той, где происходили описываемые в «Слове» события), а также материалы нескольких диалектных словарных картотек² и показания всех опубликованных региональных словарей. В результате обнаружены соответствия к 151 лексеме памятника; из них большую часть составляют параллели к тем лексемам (их 86), которые, кроме «Слова», более нигде не отмечены или редко употребительны в иных памятниках, другая группа — это параллели к лексике, широко употребительной в памятниках (51 слово), и, наконец, малочисленная группа параллелей (к 14 лексемам), представляющих

¹ Из старых работ — Н. Тихонов. Слово о полку Игореве. М., 1868; из новых — С. И. Котков. Слово о полку Игореве. (Заметки к тексту). М., 1958; В. В. Ничук. «Слово о полку Игореве» и народна мова. — Мовознавство, 1967, № 4: 196, № 1.

² Картотека «Словаря брянских говоров» (Ленинградский гос. педагогический институт им. А. И. Герцена), картотека «Словаря орловских говоров» (Орловский гос. педагогический институт), картотека «Словаря смоленских говоров» (Смоленский гос. педагогический институт им. К. Маркса), картотека «Псковского областного словаря» (Ленинградский гос. университет им. А. А. Жданова), картотека «Словаря русских народных говоров» (Словарный сектор Института русского языка АН СССР).

собой лишь однокоренные или соотносительные по семантике образования.³

Наличие современных параллелей к лексике «Слова о полку Игореве» в современных русских народных говорах свидетельствует об органической связи словарного состава памятника и народных говоров.

Значительная часть той лексики, которая отмечена лишь в «Слове» и не встречается более ни в одном другом письменном памятнике, имеется в современных русских народных говорах. К разряду таких слов и словосочетаний относятся, например: *не бологомъ* (ср. в брянских говорах *бологомъ* 'добром': «Ни хател б'ялагом, т'къ типерь ширис сут»; не к *бологѹ*, не к *бологомѹ* 'не к добру': «Ни к б'ялагу сароки траскочють», «Ни к б'ялагому, г дожку литают ласт'ьчки, ни г дабру»), *верезенъ* (ср. в брянских говорах *верезённый* 'повреждённый': «На вит чилавек, а слабый, весь верезённый, всей ранетый н'ъ вайне»), *зараніе* (ср. в брянских говорах *зараніе* 'раннее утро', подробно см. далее), *карна* (ср. в брянских говорах *карна* 'мука', 'скорбь', подробно см. далее), *раскропоти* (ср. в брянских говорах *раскроп'ить* 'расплескать': «Р'ьскрапили гуси ваду ис карыта»), *троскотати* (ср. в брянских говорах *троскот'ать* 'стрекотать' — о сороках, подробно см. далее), *трудный* (ср. в брянских говорах *трудный* 'печальный', 'скорбный': «Трудн'я сидит, тамнуеть, душа-та балить п'ъ сынош'ьку»), *свѣчачи и обычаи* (ср. в брянских говорах *свѣчачи* и *об'ьчачи* 'пожелание счастливой согласной жизни: любовь, согласие, дружба, лад', подробно см. далее), *уши закладати* (ср. в брянских говорах *ѹхи заклад'ать* 'закрывать, запираť засовом' и *ѹхи заклад'аются* 'закрываются, запираются засовом': «Лазбень — сала кладуть, то кадушка с ухами, уши палк'ый з'ькладают и н'ъ замок», «Ш'ыецца каш'ель, р'ьсп'ьстираецца гняздо, а патом ч'ьтыри уха, уши з'ькладающ'ца и аборк'ьми связыв'ьющ'ца»), и многие другие.

Наличие в современных русских народных говорах параллелей к лексике, употребленной в «Слове о полку Игореве» (и особенно к той, которая отмечена т о л ь к о в «Слове»), — еще одно свидетельство древности и подлинности памятника. Действительно, откуда мог «заимствовать» пресловутый мистификатор те лексико-фразеологические элементы, которые, кроме «Слова», нигде не зафиксированы и обнаружены лишь в современных русских народных говорах? Каким образом ему стали известны те диалектные материалы, сведениями о которых лингвисты стали располагать лишь в XIX—XX вв. (а многие из которых до настоящего времени вообще отсутствовали в научном обороте и введены впервые)? Остается сделать еще одно невероятное допущение, что наряду с феноменальной начитанностью в древнерусских памятниках фальсификатор обладал отличным знанием народных говоров разных территорий. Именно тот факт, что постоянно обнаруживаются все новые и новые параллели к единичным, уникальным словарным элементам «Слова», является самым убедительным доказательством подлинности памятника. Д. С. Лихачев по этому поводу пишет: «Удивительно, как легко шел текст „Слова“ навстречу своим комментаторам. Такое положение было бы абсолютно невозможно с текстом фальсификата».⁴

Расширение сравнительного изучения лексики «Слова о полку Игореве» за счет привлечения данных современных русских народных говоров

³ Полный перечень всех обнаруженных параллелей с иллюстративным диалектным материалом см.: В. А. К о з ы р е в. Словарные параллели к лексике «Слова о полку Игореве» в современных брянских и других народных говорах. — В кн.: Брянские говоры, вып. III. Л., 1975, с. 56—148.

⁴ Д. С. Л и х а ч е в. Изучение «Слова о полку Игореве» и вопрос его подлинности. В кн.: «Слово о полку Игореве» — памятник XII века. Под ред. Д. С. Лихачева. М.—Л., 1962, с. 39.

значительно обогащает ту фактическую базу, на которой основывается толкование текста памятника.

Так, например, до сих пор вызывает противоречивые толкования словосочетание *босыи влъкъ*, не отмеченное ни в одном другом памятнике (за исключением имени собственного *Босоволковъ*, зафиксированного в летописи под 1347 г.)⁵ и известное в псковских говорах (по упоминанию В. И. Чернышева).⁶ Нами установлено, что в современных брянских говорах словосочетание *ббсый волк* широко употребляется в сравнении (*как ббсый волк*): «Што ты разбалъвьлся, как съмашэтшый бегъиш, как босый волк», «Как босый волк бегъить», «У нас гаворють — как босый волк, а чилавеки, как он бягить». Приведенные примеры свидетельствуют об употреблении словосочетания *ббсый волк* (в сравнении) для характеристики быстро бегущего человека (ср. аналогичное употребление этого словосочетания в памятнике: с босым волком сравнивается князь Игорь, бегущий из плена). Более развернутый текст позволяет уточнить тот смысл, который вкладывается носителями брянских говоров в словосочетание *ббсый волк* и в сравнение *как ббсый волк*: «Босый волк — када шэрсть тирайт, вот босый волк, шэрсть тирайт, шэрсть збрасываит вясной, зимой был серый, а збросил — стал босый, билаватый, биялый дельицца. Ну, пабах, как босый волк, и ни дагониш, он абляхчил, ажывлённый дельицца вясною, бегъить быстрея». Как видим, *ббсый* применительно к волку употребляется в брянских говорах прежде всего для обозначения цвета шерсти: 'светлый', 'беловатый' (в результате весенней линьки), — отсюда сравнение *как ббсый волк* имеет в брянских говорах следующий смысл: 'как полинявший волк', переносно — 'быстрый', 'подвижный'. Сведения о семантике имени прилагательного *ббсый* и словосочетания *ббсый волк* в русских народных говорах (прежде всего брянских) позволяют предположить, что и в «Слове о полку Игореве» под *босыи* следует иметь в виду специфическую окраску волка после весенней линьки, в результате чего сравнение (*босымъ влъкомъ*, т. е. 'быстро', 'стремительно') приобретает реальный смысл.⁷

Обнаруженные в брянских говорах параллели к лексеме *буи* позволяют дать новое истолкование этого слова в памятнике (в том числе — и в составе эпитета Всеволода *буи туръ*): 'могучий', 'сильный'; 'большого роста', 'крепкого телосложения'.⁸ Именно с такой семантикой прилагательное *буйный* широко употребительно в брянских говорах: «Буйный мужык — плечистый, высокий, здоровый», «Вот чилавек буйный, здоровый, бальшой, аны, такая-та, смелыи и бывають», «Крупный во бугай, буйный, здоровый», «Крепкий и сильный ён, харошый хлопец, плечистый, плечи так широкие, буйный, адно слова буйный».

Въсплескати (*плескати*), по данным письменных памятников, употребляется обычно с семантикой 'хлопать в ладоши', 'рукоплескать'. Исходя из этого, В. П. Адрианова-Перетц заключает: «В „Слове“ лебединые крылья плещут, как руки».⁹ Думается, что более правы составители «Словаря-

⁵ См.: Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». Составитель В. Л. Виноградова. Вып. 1. А—Г. Под ред. Б. Л. Богородского, Б. А. Ларина, Д. С. Лихачева. М.—Л., 1965. с. 65.

⁶ В. И. Чернышев. Темные слова в русском языке. — В кн.: Избранные труды в 2 томах, т. I. М., 1970, с. 307.

⁷ Ср. в «Словаре-справочнике „Слова о полку Игореве“» (вып. 1, с. 65): *босыи* — 'белогоный (?)', *босыи влъкъ* — 'необыкновенный'; 'быстрый'.

⁸ Ср. в «Словаре-справочнике „Слова о полку Игореве“» (вып. 1, с. 75): *буи* — 'смелый', 'отважный'; в составе хвалебного эпитета *буи туръ* — 'могучий'; первоначально: 'рослый, могучий бык'.

⁹ В. П. Адрианова-Перетц. «Слово о полку Игореве» и памятники русской литературы XI—XIII веков. Л., 1968, с. 113.

справочника „Слова о полку Игореве“, толкующие *въсплескати* как ‘начать хлопать по воде, всплескивая ее’.¹⁰ Употребление глагола *въсплескати* в этом значении нигде более не отмечено (за исключением Кирилло-Белозерского списка «Задонщины», где *въсплескати* — явное заимствование из «Слова»), однако такое толкование подтверждается современными брянскими параллелями: «Гуси радывъюцца, што нъ ваде, тады васплешшущца, а гусенятки ныряють къла их там, так ляпешшущца», «Аны (гуси, — В. К.) как васплешшущца, тьк усю ваду узбурдычатъ».

К группе «темных», малопонятных слов памятника относится лексема *въсрожити*, по поводу которой предлагались самые разные конъектуры и прочтения. Имеющиеся в нашем распоряжении диалектные материалы свидетельствуют в пользу поправки, предложенной А. А. Потебней и поддержанной А. С. Орловым и Д. С. Лихачевым (имеется в виду исправление *въсрожатъ* на *въсрашати*,¹¹ т. е. ‘волки въерошивают страх, грозу по ярам’,¹² ‘въерошивают’, ‘возбуждают’.¹³ В современных брянских говорах отмечено слово *восрашати* в двух значениях: 1) ‘въерошить’: «Въсрашыла дыбърм виски, въсрашыла — эта адно и то жа, што взяршыла»; 2) перен. — ‘разбередить’: «Уш так тьмнавала, так галосила, аш усю душэньку въсрашыла».

Переносное употребление слова *глаголити*, обнаруженное в современных брянских говорах (например: «Сароки дож глаголють», «Ластушка къла дому рьзляталъсь, ти бяду глаголить, ти што»), не только указывает на возможность существования в древнерусском языке необычного словосочетания *стязи глаголють*, но и позволяет уточнить его значение: ‘стяги вешают, предупреждают’.¹⁴

Гнъздо ‘человеческая семья, род’,¹⁵ кроме «Слова» употребленное с такой семантикой лишь в Кирилло-Белозерском списке «Задонщины» (причем считается, что в «Задонщине» этот образ является вторичным¹⁶), находит фактическое обоснование в русских народных говорах: *гнездб* ‘семья’, ‘род’ довольно обычно в народной речи.¹⁷ Например, в брянских говорах: «Двинацъть душ была у том гнезде, свякруха старшья», «С такога гнезда нехарошъява — кто въравитый, кто разбойнистый, такая их парода нехарошъя, гнездо усё праклятъя». Ср. аналогичную конструкцию в «Слове о полку Игореве»: «н е х у д а гнъзда шестокрилци»; в брянских говорах — «нехарошъява гнезда хлопцы», «усе аднаго гнезда дети», «ана папофьскъяга гнезда».

Данные о семантике современных брянских параллелей к лексеме *жестокый* заставляют усомниться в правомерности общепринятого толкования ‘крепкий’, ‘твердый’, ‘жесткий’ и (перен.) ‘крепкий’, ‘сильный’ (о теле). В современных брянских говорах слово *жестбкий* широко бытует в следующих значениях: 1) ‘горячий’, ‘имеющий высокую температуру’: «Торхвъм тапить хърашо, драва-та быстра гарять, а торхвъм зътапить — тьк да вечера печька жастокъя будеть, духу многа ат яго»,

¹⁰ Словарь-справочник «Слова о полку Игореве», вып. 1, с. 135.

¹¹ *Въсрашати* (*въсрашати*) представлено в памятниках XI—XII вв. единичными примерами (см.: Словарь-справочник «Слова о полку Игореве», вып. 1, с. 149).

¹² А. С. Орлов. Слово о полку Игореве. М.—Л., 1946, с. 100.

¹³ Д. С. Лихачев. Комментарий исторический и географический. — В кн.: «Слово о полку Игореве». Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1950 (серия «Литературные памятники»), с. 398.

¹⁴ Ср. в «Словаре-справочнике „Слова о полку Игореве“» (вып. 1, с. 156): *глаголати*, образно (о знаменах) — ‘шуметь на ветру’ или перен. ‘сигнализировать’.

¹⁵ См.: Словарь-справочник «Слова о полку Игореве», вып. 1, с. 160.

¹⁶ См.: Слово о полку Игореве. Библиотека поэта. Большая серия. Изд. 2-е. Л., 1967, с. 485. [Примечания О. В. Творогова].

¹⁷ См., например: В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. I. М., 1863; Словарь русских народных говоров, вып. 6. Л., 1971.

«Жар у яго большой, тела жастокѣ, нада тряпку халодную пѣприкладать», «Када бальной шилавек, к нему сильная жара пристуааеть, тела жастокѣ делъицца, пиригарить, апягь палучышэить»; 2) 'разгоряченный', 'потный': «Куда ты лезиш рѣспатефшы, тела ш жастокѣя, а ф халодную ваду»; 3) 'вспыльчивый', 'горячий', 'запальчивый' (о человеке, его характере, нраве): «У яго жастокый нѣрав, яму пѣд руку не пѣпадайся, што не пѣ яму скажэш, пряма палкѣй магеть перепаесятъ», «Наш директѣр ох ы жэсток, во лихой»; 4) 'горячий', 'напряженный' (о времени): «Ныньши и гълаву не прикланула, щяс жа дела сязоннѣе, жастокые дянѣшкы»; 5) 'быстрый', 'резвый', 'горячий', 'стремительный' (о человеке и животных): «Какой быстрый парень, скажутъ — жастокый, а есьть тихенькие, спакойненькие, рахманенькие», «Конь прыткий, ня удержыш, жастокый, аш танцует»; 6) 'бойкий', 'находчивый': «У нас нарот жастокый, гъвари — не прѣгаваривъйся». Ср. данные других славянских языков: хорватск. *žest* 'solidus'; *žestok* 'рагасерс', сербск. *жѣсток* 'горячий' (о человеке); *жестина* 'горячность'; *жестити се*, *жѣстим се* 'вспыхивать', 'разъяряться'.¹⁸ Указанные сведения из сербского и хорватского языков, а также данные о значении слова *жестокый* в современных русских народных говорах свидетельствуют о том, что такого рода факты не являются изолированными в славянском языковом мире и, возможно, восходят к древнему периоду общеславянской общности. Отсутствие соответствующих исторических данных (в памятниках русской письменности интересующее нас слово с такой семантикой не отмечено, а известно преимущественно в значении 'крепкий', 'твердый')¹⁹ не говорит в пользу этого предположения, но и не снимает его: тот факт, что это значение слова не зафиксировано в известных нам письменных памятниках, еще не является свидетельством того, что его вовсе не существовало. Возможно, уже в ранний период оно было редким, может быть — диалектным. Во всяком случае нельзя оставлять без внимания однородные факты трех славянских языков (сербского, хорватского и диалектов русского языка). Тем более что именно с такой семантикой прилагательное *жестокый* находится в полном соответствии с контекстами «Слова», в которых оно употреблено: *въ жестоцемъ харалузѣ* — 'в горячем харалуге', *на жестоцѣмъ тѣлѣ* — 'на горячем, воспаленном теле'.²⁰

В памятниках письменности слово *жиръ* обычно отмечается с семантикой 'настибще'; 'корм'. В «Слове о полку Игореве» оно употреблено в ином значении, которое в «Словаре-справочнике „Слова о полку Игореве“» определяется как 'добыча', 'богатство'.²¹ Подтверждающие такое толкование соответствия обнаружены в современных русских народных говорах, например, в брянских: *жир* 'достаток', 'богатство': «Многа жыру у яго, багатства, их багачькѣми и звали», «У Мархвушки жыру многа: бѣрахло багатѣе, хата харошѣя, пятистенник пат лыхвер, уси завидьвѣютъ», «Люди дивуюцца, што я так жырна жыву, ни де ни работѣю, а пѣгаловѣе дижду, денег зѣрабатывѣю, а вѣт не видють, што весь-та жир слезами и потѣм».²²

¹⁸ А. Г. Преображенский. Этимологический словарь русского языка. М., 1910—1916.

¹⁹ См.: Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». Составитель В. Л. Виноградова. Вып. 2. Д—Коше. Под ред. Б. Л. Богородского, Д. С. Лихачева, О. В. Творогова. Л., 1967, с. 80—81.

²⁰ В свое время такое мнение высказывалось (О. Партыцкий. Темни мѣстца в «Слове о полку Игореве». Львѣв, 1883, с. 9), но не получило признания (может быть, потому, что оно было основано лишь на данных хорватского языка: в других славянских языках, в том числе и русском, такие факты отмечены не были).

²¹ Словарь-справочник «Слова о полку Игореве», вып. 2, с. 86—87.

²² Кроме того, зафиксировано (без указания места) В. И. Далем (Толковый словарь живого великорусского языка, т. I).

Заднии 'последний в цепи событий' и 'будущий', кроме «Слова», встречается в Ипатьевской летописи (XV в.) под 1146 г. и в тексте конца XVI в.²³ Комментируя это слово, Д. С. Лихачев отмечает, что в Древней Руси «задним было то, что стоит в конце, позади временного ряда, безотносительно к нашему положению, это могли быть события будущие, если ими должна была замыкаться какая-то цепь событий, какой-то временной ряд».²⁴ Аналогичная картина наблюдается и в современных русских народных говорах (брянских), где слово *задний* 'последний по времени' безотносительно к тому, идет ли речь о прошлом, настоящем или будущем, например: «Мархвущка-та крепкъя, мы-та фсе скарей пъзажмуримся, а ана задняя зажмурица, силы-та многа ещѣ, «Сълавей упярѣт усих прилятитъ, а тады шпаки, патом жавърънки будутъ лятеть, а задняя ужэ кукушка прилятитъ», «Самую заднюю убирають картошку, эта уш пасля усих, к синтибрю». Приведенные параллели подтверждают толкование слова *заднии*, предложенное в «Словаре-справочнике „Слова о полку Игореве“» на основании указанного выше наблюдения Д. С. Лихачева.

По поводу слова *зараніе*, ни в одном другом памятнике не отмеченного, В. П. Адрианова-Перетц выдвигает «два предположения: либо „зарания“ — архаизм, удержавшийся лишь в «Слове», либо искаженная форма древнего „израния“, возникшая по аналогии с появившимся к XVI в. в живом языке наречием „заранее“».²⁵ В пользу древнерусского *зараніе* свидетельствуют современные диалектные данные. Так, в брянских говорах слово *зараніе* широко представлено как обозначение раннего утра, например: «Если събираемся мы итьить пъ чярику, тѣк ззарания пайдѣм, штоц ишшо дъ пѣстуха пайтитъ», «З зарания идетъ дощъ», «Зарание была хмарнѣе, а патом стала ужэ чиста, хмары пъръзашлися».

Кощеи 'пленник', 'раб', 'слуга' — нечасто в письменности (кроме «Слова», отмечено лишь в трех памятниках).²⁶ К указанному толкованию исследователи пришли не сразу. Так, первыми издателями слово *кощеи* было принято за имя собственное. В дальнейшем, по мере привлечения материалов русских письменных памятников, показаний других (прежде всего тюркских) языков, было установлено, что в «Слове о полку Игореве» *кощеи* употреблено в своем первичном значении 'пленник', 'раб', 'слуга'. Такое толкование подтверждается и данными современных русских народных говоров (брянских), которые сохранили слово *кощѣй* 'слуга': «Слуги, работники, тѣк ых тады кашшѣями звали», «Слуги у богатых прислуживъли им, кашшѣями нъзывали, у богатых жыли».

Слово *къметъ*, крайне редкое в письменности, употреблено в памятнике со значением 'лучший, опытный, искусный воин'.²⁷ Соотносительные по семантике и по форме образования, подтверждающие указанное толкование, обнаруживаются в современной народной речи. Так, в брянских говорах: *къметѣ* — собир. 'о способных, сметливых людях': «О, эта такое кметѣ, прамзительные люди, уся семья, дети пъ гърадах учяцца, вумные, пачѣтливые», *къметкий* и *къметкой* 'способный', 'сметливый', 'находчивый': «Во, кметкий эгат чилавек, умеет и сказать, и с людьми жыть, умелый в жызни, ѣн ы сказать, ѣн ы здельть, ѣн ы с людьми жыть бис скандалу», «Который дужэ быстра схватывъеть — эта кметкой», «Кметкой — эта

²³ См.: Словарь-справочник «Слова о полку Игореве», вып. 2, с. 98.

²⁴ Д. С. Л и х а ч е в. Из наблюдений над лексикой «Слова о полку Игореве». — ИОЛЯ, т. VIII, 1949, вып. 6, с. 552.

²⁵ В. П. А д р и а н о в а - П е р е т ц. «Слово о полку Игореве» и памятники русской литературы XI—XIII веков, с. 81.

²⁶ См.: Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». Составитель В. Л. Виноградова. Вып. 3. Корабль—Нынешнии. Под ред. Б. Л. Богородского, Д. С. Лихачева, О. В. Творогова. Л., 1969, с. 16.

²⁷ Словарь-справочник «Слова о полку Игореве», вып. 3, с. 43.

тямкий чилавек, нахочьчивый»; в псковских говорах: *кметкой* 'способный', 'сметливый': «Татьяна Иваньвна, ана у нас шышко кметкая, то она фсё ф председетельках хадила, а я бригадирила».²⁸

Слову *повити* «Словарь-справочник „Слова о полку Игореве“» дает толкование: «образно: 'родить', 'вскормить', 'воспитать'» и подтверждает его, кроме цитаты из «Слова», одним примером из памятника XIV в.²⁹ Следы былой семантической емкости древнерусского глагола *повити* сохранились в современной диалектной речи. Так, наряду с семантикой 'пеленать (ребенка)' (брянские и московские³⁰ говоры), 'принимать ребенка при родах' (рязанские,³¹ московские,³² вятские³³ говоры), *повйтъ* (*повивать*) употребляется и в широком значении 'воспитать', 'вырастить'. Последнее отмечено только в брянских говорах: «Ты, дедушка, бязродный, а у меня шэсть дятей павита, а дети не приходють, нам, гъварять, некъда хадить». Ср. также *сповивать* с той же семантикой: «Спъвивала-спъвивала, а кармить некъму старуху». Весьма примечательно, что в «Задонщине» (во всех трех списках) соответствующие фразы испорчены, что свидетельствует о том, что автору и переписчикам «Задонщины» было неизвестно *повити* 'родить', 'вскормить', 'воспитать', употребленное в «Слове» и сохранившееся в современную эпоху, по нашим данным, лишь в брянских говорах.

«„Свычая и обычая“ — это тавтологическое сочетание, — по словам В. П. Адриановой-Перетц, — не имеет точных соответствий в памятниках XI—XII вв., но слово „обычай“ в отношении к нраву и поведению человека встречается уже в Изборнике Святослава 1073 г. . . Не случайно и здесь, как в „Слове“, речь идет о привлекательности поведения близкого человека — „обычай“ назван рядом с любовью».³⁴ Наблюдения В. П. Адриановой-Перетц подтверждаются материалами современных русских народных говоров, в которых слово *обычай* употребляется в трех значениях. Во-первых, в значении, соответствующем литературному ('общепринятый, установившийся, традиционный порядок'). Во-вторых, в том, на которое указывает В. П. Адрианова-Перетц,³⁵ а именно: 'нрав', 'характер'. Примеры: «Не гляди на лицо, а гляди на обычай» (записано в Веглуге).³⁶ *По обычаю* 'соответственно вкусу, праву'. Например, в брянских говорах: «Он мне, гъварит, пъ нъраву, пъ абычью», в вологодских говорах: «Выбирай себе девицу по обычью, по своему обычью, по мужицью».³⁷ (*Не*) *в обычай* '(не) нравится', '(не) приятно'. Например, в рязанских говорах: «Он мне чиво-та ни влюбе, ни в абычай»,³⁸ в пензенских говорах: «Снохатим не в обычай».³⁹ Третье значение отмечено лишь в брянских говорах — 'любовь', 'взаимное расположение', 'симпатия': «Я сваю жонку да веку

²⁸ Картоотека «Псковского областного словаря».

²⁹ См.: Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». Составитель В. Л. Виноградова. Вып. 4. О—П. Под ред. Б. Л. Богородского, Д. С. Лихачева, О. В. Творогова. Л., 1973, с. 96.

³⁰ А. Ф. Иванов. Словарь говоров Подмосковья. М., 1969.

³¹ Словарь современного народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области). Под ред. И. А. Оссоветского. М., 1969.

³² Картоотека «Словаря русских народных говоров»; А. Ф. Иванов. Словарь говоров Подмосковья.

³³ Н. М. Васнецов. Материалы для объяснительного Областного словаря вятского говора. Вятка, 1957.

³⁴ В. П. Адрианова-Перетц. «Слово о полку Игореве» и памятники русской литературы XI—XIII веков, с. 98.

³⁵ См. также: Словарь-справочник «Слова о полку Игореве», вып. 4, с. 16.

³⁶ Картоотека «Словаря русских народных говоров».

³⁷ Там же.

³⁸ Словарь современного народного говора.

³⁹ Картоотека «Словаря русских народных говоров».

не сменю, пакуль зажмурюся, палсотни прожыл, абычий у нас и при младэсьти, и при старэсьти, мне мая жонка нэравяцца», «Жывуть хэрашо, пэ абычию, пэ любви», «Шяс стали выхадить пэ абыччю, пэ синпатии, а раньшы — как бацька с маткэй наметить». Ср. также употребление в брянских говорах производных от слова *обычай* глаголов: *обычиться, пообычиться. Обычиться* — 1) 'нравиться': «Кметкий хлопец и нэ лицо красивый, такой усем деукэм абычицца», «Каму кто абычицца»; 2) 'любить друг друга': «Люба сь сваим Хведию давно абычицца, а свадьбы нет». *Пообычиться* 'понравиться': «Раньшы рэзбирались, какая матка, какой бацька, какая парода, а тады уш выдають, а шяс не глядят нэ пароду, пэабышился — и усё, пэнэравился мальшик — и усё», «Апсмагтели местушка, местушка паабычилася нам». Семантическую структуру, аналогичную той, которая отмечена у лексемы *обычай*, имеет в говорах и слово *свёчай*, в том числе употребляется оно и в значении 'любовь', 'взаимное расположение', 'симпатия' (отмечено лишь в брянских говорах): «Я, гэварить, многа пэвидал, нет у жызьни звычэя». Ср. также однокоренные образования: *свёчка, свёканые, свёкнутыся, свёкатыся. Свёчка* — 'любовь молодых людей, привязанность' (в псковских говорах): «У них (жениха и невесты) свёчка раньше была». *Свёканые* (в источнике приведено без толкования; думается, что здесь имеется в виду 'любовь' или близкое к этому значение): «Свёканые было тайно, / Расставанье стало явно» (в курских говорах).⁴⁰ *Свёкнутыся* 'полюбить', 'почувствовать взаимное расположение, симпатию': «Пряма з глазу звыклися, первый рас увидилися и звыклися девушка с парнем» (в брянских говорах). У глагола *свёкатыся*, не сопровождающегося в источниках толкованием, можно предположить, исходя из соответствующих контекстов, в которых он приводится, значение 'любить', 'влюбляться' или (по крайней мере) близкое к этому. Например, в курских говорах: «Не свёкайся, не свёкайся / Красна девка с (казак) молодцом. / Хорошо было свёкатца — / Тошно-горько раставатца»;⁴¹ в смоленских говорах: «Не звивайся, трава с повеличый, / Ни свёкайся, молыдиц з девчиной. / Хорошо было свёкатца, тошна была разставатца. / Мы свёкались пад белую берёзай, / Развёкались пад горькую асиной».⁴² Наряду с данными, указывающими на семантические соответствия в современных народных говорах древнерусским *свёчаи* и *обычаи*, имеются факты, иллюстрирующие это выражение как устойчивое тавтологическое сочетание. Например, в брянских говорах словосочетание *свёчай и обычай* употребляется как пожелание счастливой согласной жизни: 'любовь', 'согласие', 'дружба', 'лад': «Совет вам дэ любовь, свёчий и абычий», «Живитя хэрашо, па звыччю и абыччю». Очевидно, что семантика, с которой устойчивое тавтологическое сочетание *свёчай и обычай* и его компоненты (а также производные от них образования) употребляются в современных русских народных говорах, находится в полном соответствии с той, которая обнаруживается в тексте памятника. Перевод выражения *свёчая и обычая* как 'любви и ласки'⁴³ в свете новых диалектных материалов приобретает прочное фактическое обоснование.⁴⁴

Трскотати 'стрекотать' и *втроскотати* 'застрекотать' (о сороках), кроме «Слова», нигде не обнаружены. Известны однокоренные образова-

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же.

⁴³ Слово о полку Игоревом, Игоря, сына Святослава, внука Олега. Перевод Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева, О. В. Творогова. — В кн.: Слово о полку Игореве. Библиотека поэта. Большая серия. Изд. 2-е, с. 59.

⁴⁴ Ср. в «Словаре-справочнике „Слова о полку Игореве“» (вып. 4, с. 15): *обычаи* 'привычка', 'обыкновение', 'обхождение отдельного человека'.

ния, но с иной семантикой.⁴⁵ Исходя из этого, В. П. Адрианова-Перетц делает вывод, что «сопоставление крика сорок с треском дерева — находка автора „Слова“». ⁴⁶ В современных брянских говорах обнаружен глагол *троскотать* с семантикой 'стрекотать (о птицах, чаще — о сороках)', например: «Сароки траскочють, сароки хвостом виляють к дожджу», «Птушки в лясу и пають, и траскочють», «Сароки как пачьнуть трьскатать, тьк божэ мой». Эти факты позволяют предположить, что использование в памятнике соответствующих лексем — не индивидуальный прием автора, а отражение современной ему народной речи.

Слово *чаица* отсутствует в других памятниках письменности, а также неизвестно ни одному славянскому языку. Отсутствие параллелей к этому слову вызвало затруднения в его толковании. В большинстве случаев при переложении «Слова о полку Игореве» на современный русский язык слово *чаица* остается без перевода или заменяется современным *чайка* — словом, которое в русском литературном языке обозначает водоплавающую птицу *Larus ridibundus*. Не имеющее под собой реального основания (кроме, пожалуй, того факта, что эти слова схожи по звуковой оболочке), такое толкование является весьма произвольным. Современные диалектные материалы позволяют дать фактическое обоснование толкования этого слова в памятнике. В русских народных говорах (преимущественно в брянских) нами обнаружено слово *чаица*, обозначающее птицу *Vanellus caprella*, т. е. чибиса, или пугалицу. Например, в брянских говорах: «Чаица — аны сидять, где кочичька; рьзливаицца луг, аны ж вясной прилётывьють, ть где вьт бугарок, чаицы ужэ там садяцца. Чаицы навроди гьлубей, рябенькие, нь галоуке тычичька стаить, ношки не так штоп дужэ низенькие, високинькие. Чаица кричить куу-гу, с пратягьм кричить», «У нас чаицы не магуть вадицца, не зимують, а летьм у лугу, у кочичькьх па балотьм, па речькьм; сьбирають разную эту — и червячьков, и мушэ, и жучьков»; в смоленских говорах: «Чаица вылитаеть за 12 ден сахи». ⁴⁷ Приведенные материалы позволяют предположить, что под *чаицей* в «Слове о полку Игореве» имеется в виду не *Larus ridibundus* — чайка, а *Vanellus caprella* — чибис, пугалица. Такое толкование не противоречит, а, напротив, соответствует той картине, которую рисует автор «Слова», повествуя о птицах, «охранявших» князя Игоря. Н. В. Шарлемань пишет: «Перечисленные птицы, по нашему пониманию, должны были предупредить Игоря о приближении людей, когда он во время бегства отдыхал на берегу Донца». ⁴⁸ Правда, по Н. В. Шарлеманю, *чаицы* в «Слове» — это речные чайки *Larus ridibundus*, «встречающие весною назойливыми криками всякого, кто приближается к реке». ⁴⁹ Однако необходимо отметить, что чибисы — едва ль менее чуткие и осторожные птицы, чем речные чайки. На эту особенность птиц *Vanellus caprella* как на одну из основных указывает и народ (можно было бы привести соответствующие записи бесед об этих птицах), и специалисты. Например, А. Э. Брэм, известный знаток животного мира, сообщает: «Чибис избегает человека, поэтому очень редко селится поблизости его жилья. . . Это деятельные, живые птицы, беспрепятственно находящиеся в движении. . . Чем дальше наблюдать чибиса, тем скорее можно убедиться, что это положительно умная птица. Ее осторожность, приводящая в негодование всех охотников, делает ей честь; она

⁴⁵ См.: Срезневский. Материалы, т. III, стлб. 1003.

⁴⁶ В. П. Адрианова-Перетц. «Слово о полку Игореве» и памятники русской литературы XI—XIII веков, с. 184.

⁴⁷ Картоотека «Словаря русских народных говоров».

⁴⁸ Н. В. Шарлемань. Из реального комментария к «Слову о полку Игореве». — ТГДРЛ, т. VI. М.—Л., 1949, с. 113.

⁴⁹ Там же.

прекрасно знает, какому человеку можно доверять и кого следует избегать». ⁵⁰ Таким образом, *цаицы* 'чибисы' находятся в полном соответствии с контекстом этого отрывка о птицах, которые «охраняли» князя Игоря.

Введение в круг сравнительного изучения лексики «Слова о полку Игореве» новых материалов современных русских народных говоров позволяет обратиться к толкованию не только отдельных лексем, но и целых отрывков текста, которые до сих пор остаются неясными, мало-понятными. Так, к числу «темных» мест «Слова» все еще относится фраза «За нимъ кликну Карна, и Жля поскочи по Руской земли, смагу людемъ мычючи въ пламянь розѣ». ⁵¹ По поводу толкования этого текста высказывались разнообразные суждения и догадки. Прежде всего, по-разному понимают слова *карна* и *жля*. Имеются в основном две точки зрения: одни исследователи (и их большинство) полагают, что *карна* и *жля* — олицетворение плача и скорби, другие придерживаются старого мнения о двух половецких князьях. Интересную мысль высказал С. И. Котков, предположивший, что слово *карна*, в котором «обыкновенно видят олицетворение нравственных понятий», «могло иметь и более общее значение — 'мука', 'страдание вообще' или. . . совмещать его с иными». ⁵² Диалектные данные подтверждают предположение С. И. Коткова. В современных брянских говорах нами обнаружено *ка́рна* 'мука', 'скорбь': «У меня братец пагиц, тѣк я и тяперь плачу па нѣм, карна меня гладаеть па нѣм», «Жалею, валнуюсь, тамнуюсь — эта будеть карна, такая карна меня бяреть, скуच्या, валнуюсь, с ума сходим мы, матки ж». К слову *жля* параллели в говорах не отмечены, однако и те диалектные материалы, которые относятся к слову *карна*, достаточно убедительно свидетельствуют в пользу того, что *карна* и *жля* — имена нарицательные. Показания русских народных говоров дают материал и к толкованию слов *смага* и *мыжати*. В современных русских диалектах *смага* отмечено как полисемантическое слово: 'сухость на губах, во рту от жары, переутомления, болезни, сильного волнения и пр.' (в брянских, орловских, ⁵³ смоленских, ⁵⁴ псковских ⁵⁵ говорах), 'жажда' (в брянских, калужских, ⁵⁶ смоленских ⁵⁷ говорах), 'неприятное, вяжущее ощущение во рту' (в брянских, смоленских ⁵⁸ говорах), 'недомогание', 'усталость' (в брянских, псковских ⁵⁹ говорах), 'горечь от безысходного горя', 'нервный спазм в горле' (в саратовских ⁶⁰ говорах), 'горе' (в брянских говорах: «Смага — горе, цѣлый век гарюю, смагую, цѣлый век»; в псковских говорах: «При барах-та ня жызьнь была — смага» ⁶¹) и др. Ср. также: *смаговать* 'горевать' (в брянских говорах: «Матки абидьчѣна, што батька памѣр, гарюить, смагуить matka», «Чилавек пичяльный, худа яму, смагуить чилавек»), *смаженьку смаговать* 'горевать', 'страдать' (в смоленских говорах: «А як маѣ дитятка / Да на чужой / Стрыане: / Ти живеть, ти гарюить, / Ти смажиньку смагуить?» ⁶²), *засмаговаться* 'изму-

⁵⁰ А. Э. Б р э м. Жизнь животных. В 3 томах. Т. II. Птицы. СПб., с. 215.

⁵¹ Цит. по тексту, приведенному в «Словаре-справочнике „Слова о полку Игореве“» (вып. 1, с. 20).

⁵² С. И. К о т к о в. Слово о полку Игореве, с. 21.

⁵³ Картотека «Словаря орловских говоров».

⁵⁴ Картотека «Словаря смоленских говоров».

⁵⁵ Картотека «Псковского областного словаря».

⁵⁶ Картотека «Словаря русских народных говоров».

⁵⁷ Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1852.

⁵⁸ Картотека «Словаря смоленских говоров».

⁵⁹ Картотека «Псковского областного словаря».

⁶⁰ Картотека «Словаря русских народных говоров».

⁶¹ Картотека «Псковского областного словаря».

⁶² В. Н. Д о б р о в о л ь с к и й. Смоленский этнографический сборник, ч. IV. — Записки русского географического общества по отделению этнографии, т. 27. М., 1903, с. 336.

читься', 'исстрадаться' (в смоленских говорах: «А уже мая душинька засмугувалася, / Голыду и хольду натярпелася, / А усякий эта сквернысти напринималася»⁶³). Изложенные факты позволяют предположить, что в «Слове о полку Игореве» *смага* употреблено в переносном значении 'горе', 'печаль'.⁶⁴ В пользу такого предположения свидетельствует также бытование в современных брянских говорах словосочетания *смáгу мýкать* 'терпеть лишения', 'испытывать невзгоды' (например: «Смагу мыкъл гърямькый, дённый пици ни имел»), которое, хотя и не является прямым соответствием употребленному в «Слове» обороту (*смагу людемъ мычючи*), но, несомненно, соотносимо с ним и по форме, и по семантике. В результате можно предположить следующее истолкование метафорической картины, которую рисует автор «Слова»: 'За ним кликнула скорбь, и печаль поскакала по Русской земле, горе людям мыкая в пламенном роге'.

Перечень такого рода примеров легко может быть продолжен. Материалы русских народных говоров, привлеченные к комментарию лексики «Слова», значительно расширяют возможности толкования его текста.

Суммируя сведения о географии каждой из обнаруженных диалектных параллелей, представляется возможным дать общую ареальную характеристику словарных параллелей к лексике «Слова о полку Игореве» в современных русских народных говорах. Подавляющее большинство параллелей (примерно 95%) известно южнорусским говорам. При этом только в этих говорах отмечено 36% всех параллелей. Значительная часть южнорусских параллелей приходится на современные брянские говоры — 25% от общего числа параллелей. Тот факт, что среди обнаруженных параллелей значительная часть относится к брянским говорам, объясняется прежде всего тем, что на этой территории нами были предприняты специальные поиски, тогда как по другим областям мы располагали лишь теми сведениями, которые могли почерпнуть из соответствующих источников. Но и учитывая это обстоятельство, нельзя не констатировать явное тяготение обнаруженных словарных соответствий к южнорусскому ареалу, что свидетельствует в пользу точки зрения о южнорусском происхождении памятника.⁶⁵ Вполне понятно, что в решении этого вопроса нельзя ориентироваться лишь на показания современных говоров. Территориальная атрибуция текста требует выполнения трех задач: 1) определение исторического ареала лексики, 2) установление зоны распространения соответствующих современных параллелей, 3) их сопоставление.⁶⁶ Решение второй из них (характеристика современного ареала) показывает, что подавляющее большинство параллелей к лексике «Слова о полку Игореве», обнаруженных в современных русских народных говорах, относится к югу русской диалектной территории.

⁶³ Там же, с. 647.

⁶⁴ Подробнее см.: В. А. Котова. О слове *смага* в «Слове о полку Игореве». — В кн.: Развитие грамматики и лексики русского языка. Л., 1968 (Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена, т. 373), с. 328—338.

⁶⁵ Н. А. Мещерский. К вопросу о территориальном приурочении первоначального текста «Слова о полку Игореве» по данным лексики. — Ученые записки Карельского гос. педагогического института, 1956, т. III, вып. 1, серия историко-филологических наук; С. И. Котов. Слово о полку Игореве, с. 25.

⁶⁶ См. об этом: Н. А. Мещерский. К вопросу о территориальном приурочении. . . , с. 70—71.